

EMOTIONS AND MOTIVATIONS OF PATIENTS SUFFERED FROM SCHIZOPHRENIA IN CONDITIONS OF COOPERATION AND COMPETITION

M. G. Kirillova*, N. S. Kurek**

*Psychologist, The Center of psychological-medical-social assistance for children, Moscow

**Dr. sci. (psychology), professor, Moscow State Pedagogic University, Moscow

There were studied emotional states and emotional relations to the partners before and after cooperation and competition along with perception of success and fail and desire to interact again. The sample consisted of 40 dyads of patients suffered from schizophrenia, two control groups of patients suffered from schizophrenia and 30 healthy Ss. Several methods were used including Nutten's experimental models, scales of emotional state and emotional relation to the partner, interview and observation. Comparative analysis revealed deficit of positive response in cooperation and paradoxical positive response in competition, deficit of communicational skills and disturbance of probability laws of emotional impression. It was shown that deficit of motivation of self-rating is stronger than deficit of motivation of social contacts, also. It was found that cooperation has psychotherapeutic potential.

Key words: interaction, cooperation, competition, emotions, motivation, autism, unhedonia, needs of social contacts, needs of self-rating, schizophrenia.

РАННЯЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УСТОЙЧИВОСТЬ К ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ (СООБЩЕНИЕ 1)¹

© 2002 г. Е. С. Калмыкова*, М. А. Падун**

*Канд. психол. наук, ст. научный сотр. лаб. психологии посттравматического стресса и психотерапии, ИП РАН, Москва

**Аспирантка ИП ГУГН, Москва

Излагаются психодинамические и когнитивистские концепции психической травмы и развития посттравматической симптоматики. Рассматривается теория привязанности Дж. Боулби, анализируется его понятие "внутренней рабочей модели" во взаимосвязи с теоретическим конструктом "базисных убеждений" Р. Яноф-Бульман. Приводится обзор современных исследований по теории привязанности. Предлагается разработанная авторами гипотетическая модель влияния ранних детско-родительских отношений индивида на устойчивость к психотравмирующим воздействиям.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, психическая травма, теория привязанности, "внутренняя рабочая модель", базисные убеждения.

Данная работа посвящена изучению взаимосвязи двух систем психической организации индивида – мотивационной системы привязанности к значимым другим и системы защитных механизмов, совокупная работа которых проявляется в способности к стабильному функционированию психической организации в условиях психотравмирующего воздействия. Интерес современной психологической науки к изучению ранних детских привязанностей и их роли в функционировании психики взрослого побуждает задаться вопросами, имеющими для нас как теоретическое, так и прикладное значение: оказывает ли опыт

ранних отношений с родителями и другими близкими людьми влияние на способность взрослого эффективно противостоять стрессогенным и психотравмирующим воздействиям? Каким образом взаимодействуют мотивационные структуры, обеспечивающие социальную активность индивида, с его защитными структурами? Как и вследствие чего происходит сбой в работе структур психологической защиты? Что позволяет индивиду возвращаться к стабильному психическому функционированию?

Эти и многие другие вопросы позволяет прояснить, по крайней мере, отчасти, теория привязанности, предложенная Дж. Боулби и развиваемая его последователями. На наш взгляд, использова-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 00-06-80/65а).

ние этой теории применительно к исследованию психической травмы чрезвычайно плодотворно, поскольку позволяет обратиться к межличностным истокам индивидуальной реакции на травматизацию и стресс. Цель данной статьи состоит в теоретическом исследовании данной проблемы и формулировании гипотетической модели влияния качества ранней привязанности на устойчивость к психотравмирующим воздействиям. В дальнейшем планируется опубликование результатов проведенного эмпирического исследования, направленного на верификацию наших теоретических предложений.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМАТИЗАЦИИ

В связи с возрастающей в современной социальной ситуации угрозой психотравмирующих воздействий повышаются социальные требования к психической устойчивости индивида. Наиболее травмирующими психику факторами принято считать участие в военных действиях, физическое и сексуальное насилие, техногенные и природные катастрофы, тяжелые заболевания. Патологические изменения психики, возникающие под воздействием травматического опыта, могут приводить к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), которое характеризуется развитием у пациента трех основных симптомов: 1) повторное переживание травмы (навязчивые образы, мысли, ощущения, ночные кошмары); 2) избегание стимулов, связанных с травмой (попытки избежать мыслей, ощущений, действий, вызванных травмой, частичная или полная амнезия важных аспектов травмы, эмоциональное онемение (numbing), отчужденность от окружающих); 3) устойчивые проявления повышенного возбуждения (нарушение сна, трудности концентрации внимания, раздражительность, сверхнастороженность, усиленные реакции испуга).

Однако развитие выраженной психопатологической реакции не является необходимым следствием травматического опыта: эпидемиологические исследования свидетельствуют, что лишь у части лиц, подвергшихся травматизации, возникает ПТСР; многие люди, пережившие травматическое событие той или иной степени тяжести, демонстрируют в течение ограниченного периода времени стертую посттравматическую симптоматику и/или так называемые вторичные симптомы ПТСР: повышенную тревожность, депрессию, склонность к формированию зависимого поведения, психосоматические расстройства. Вероятность возникновения ПТСР детерминируется, с одной стороны, тяжестью травматического события (а также его неожиданностью, неконтролируемостью), с другой – психологическими и

психосоциальными характеристиками лиц, перенесших травматизацию (преморбидные черты, возраст, социальные условия жизни и т.п.).

ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВИСТСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПСИХИЧЕСКУЮ ТРАВМУ

Исследования травмы и ее воздействия на индивида восходят к работам Пьера Жанэ. Работая в знаменитой клинике Сальпетриер у Шарко, он обнаружил, что многие психопатологические симптомы пациентов были связаны с их вытесненными воспоминаниями о травматических событиях. Жанэ первым предложил для объяснения этих симптомов понятие диссоциации, возникающей как следствие перегрузки сознания при “переработке” травматических ситуаций. В своей работе “Психические автоматизмы” (1889) он утверждает, что воспоминание о травматическом опыте часто оказывается недостаточно переработанным, поэтому оно отделяется от сознания, т.е. диссоциируется, чтобы затем в какой-то момент вновь ожить либо как эмоциональное состояние, либо как телесное, либо в виде представлений и образов, либо как инсценирование определенного поведения. Не поддающиеся интеграции состояния могут в крайних случаях вести к формированию различных “частичных личностей”, что соответствует диссоциативному нарушению идентичности.

Фрейд, который также работал в клинике Шарко, в своем понимании травмы прошел различные фазы. В период исследования истерии (1895) он был убежден, что сексуальное соблазнение ребенка и, следовательно, сексуальная травматизация лежат в основе любого истерического невроза. Начиная с 1906 г. он смягчил эту позицию и выработал концепцию относительно роли детских побуждений и фантазий в формировании невротических структур.

В более поздних работах Фрейд формулирует свою “энергетическую” концепцию психической травмы, согласно которой травма возникает в том случае, когда чрезмерной силы стимул или раздражитель прибывает “стимульный барьер” или “щит” (см. [6]). Он предлагал различать два случая: 1) когда травмирующая ситуация является провоцирующим фактором, раскрывающим уже существующую невротическую структуру; 2) когда травма детерминирует возникновение и содержание симптома. При этом повторение травматических переживаний, вновь и вновь возвращающиеся ночные кошмары, расстройство сна и т.п. – все это можно объяснить как попытки “связать” травму, отреагировать ее.

В современном психоаналитическом сообществе понятие травмы операционализируется по-

средством следующих категорий [41]: 1) наличие внешнего события, субъективно переживаемого индивидом как травматическое; 2) психопатологические последствия травматического события, включающие немедленно, а также отсроченные, ограничивающие функционирования. Это, нарушения объективных отношений, психосоматические расстройства, аффективные нарушения и т.п.; 3) усиление подверженности будущей травматизации вследствие пережитого травматического события; 4) травма как причина любой психопатологии и, следовательно, объект внимания психотерапевта. Наше исследование сосредоточено прежде всего на первых двух аспектах понятия травмы.

“Энергетическое” понимание травмы Фрейдом некоторые современные исследователи предлагают заменить на “информационное”; понятие “информация” обозначает как когнитивные, так и эмоциональные переживания и элементы восприятия, имеющие внешнюю и/или внутреннюю природу [27, 34]. Данный подход предполагает, что информационная перегрузка вызывает у человека состояние постоянного стресса до тех пор, пока она не пройдет соответствующую переработку. При этом информация, подверженная воздействию психологических защитных механизмов, навязчивым образом воспроизводится в памяти (флэшбэки); эмоции, которым в постстрессовом состоянии принадлежит важная роль, являются по существу реакцией на когнитивный конфликт и одновременно мотивами защитного, контролирующего и совладающего поведения.

Вследствие травматического опыта у индивида актуализируется конфликт между старым и новым образами “Я”, который порождает сильные негативные эмоции; чтобы избавиться от них, субъект пытается перестать думать о травме и ее реальных и возможных последствиях, в результате травматические восприятия оказываются недостаточно переработанными. Тем не менее вся информация сохраняется в памяти, причем в достаточно активном состоянии, вызывая непроизвольные воспоминания; однако как только переработка этой информации будет завершена, представления о травматическом событии стираются из активной памяти [27, 28].

В концепции психической травмы Р. Яноф-Бульман, принадлежащей также к когнитивистским, предлагается расширенный набор конфликтующих ментальных репрезентаций: она исходит из того, что основой внутреннего мира человека являются его имплицитные базисные убеждения относительно сущности внешнего мира и собственного “Я”. Согласно данной теории, большинство людей конструируют собственный опыт через призму убеждений (а) о доброжелательности окружающего мира, (б) его справед-

ливости и (в) ценности и значимости собственного “Я”.

Результаты исследований показали, что имплицитные убеждения значимо различаются по выборкам испытуемых “с травмой” и “без травмы” в анамнезе, причем травмирующие события по-разному влияют на различные убеждения.

Становление базисных убеждений происходит в раннем детстве через взаимодействие со значимым взрослым. Первые впечатления ребенка о мире и о себе складываются еще на довербальном уровне. Опираясь на теорию объектных отношений, Яноф-Бульман утверждает, что наиболее важным моментом в становлении базисных убеждений является реакция взрослого на крик ребенка. Уже в возрасте около семи месяцев младенец начинает структурировать собственный опыт, создавая глубинные представления о доброжелательности, справедливости окружающего мира, а также о собственном “Я” как достойном любви и заботы.

Базисные убеждения обеспечивают ребенка чувством защищенности и доверия к миру, а в дальнейшем – ощущением собственной неуязвимости. Имплицитная концепция окружающего мира и собственного “Я” у большинства взрослых здоровых людей приблизительно такова: “В этом мире хорошего гораздо больше, чем плохого. Если что-то плохое и случается, то это бывает в основном с теми людьми, которые делают что-то не так. Я хороший человек, следовательно, я могу чувствовать себя защищенным от бед. Ничего плохого со мной не может случиться”. Речь идет о так называемых позитивных иллюзиях (иллюзия неуязвимости, иллюзия контроля, нереалистический оптимизм), выявленных в исследованиях Тэйлора [45], который показал, что хорошо адаптированным людям свойственно переоценивать вероятность возникновения положительных ситуаций в жизни и недооценивать вероятность отрицательных. Данное высказывание подтверждается тем, что очень часто из уст жертв психических травм можно услышать признание: “Я никогда не мог подумать, что этом может случиться со мной”.

Базисные убеждения, касающиеся позитивного Я-образа, доброжелательности окружающего мира и справедливых отношений между “Я” и окружающим миром, наиболее сильно подвергаются влиянию психической травмы. В одночасье индивид сталкивается с ужасом, порождаемым внешним миром, а также с собственной уязвимостью и беспомощностью. Здесь Яноф-Бульман проводит аналогию с теорией Т. Куна о структуре научных революций. Подобно тому как главенствующая на данный момент в науке теория находит множественные подтверждения эмпирическими данными, базисные убеждения, существую-

щие у индивида в относительно благоприятной жизненной ситуации, подкрепляются реальными событиями. В определенный момент в науке наступает революция (смена парадигмы) – в этот период вдруг начинают появляться факты, не укладывающиеся в рамки существующей теории, – происходит “взрыв”, старая теория рушится, и на ее месте возникает новая. По сходной схеме разрушаются базисные убеждения: существовавшая ранее уверенность в собственной защищенности и неуязвимости оказывается иллюзией, повергающей личность в состояние дезинтеграции [32].

В случае успешного совладания с травмой базисные убеждения качественно отличаются от “дотравматических”. Их восстановление происходит не полностью, а только до определенного уровня, на котором человек свободен от иллюзии неуязвимости. Картина мира индивида, пережившего психическую травму и успешно совладавшего с ней, примерно такова: “Мир доброжелателен и справедлив ко мне. Я обладаю правом выбора. Но так бывает не всегда”. Индивид начинает воспринимать действительность в форме, максимально приближенной к реальной, по-новому оценивая собственную жизнь и окружающий мир.

Концепция Яноф-Бульман, опираясь прежде всего на когнитивные структуры психики, решающую роль в формировании этих структур приписывает взаимодействию ребенка со взрослым в первые годы и месяцы жизни. Фундаментальное для нее понятие “базисные убеждения”, введенное А. Беком [13], во многом совпадает с понятием “генерализованные репрезентации о взаимодействии” Д. Стерна [43], а также с термином “схема Я–Другой” М. Хоровица [26] и с понятием “внутренняя рабочая модель” Дж. Боулби [14–16]. Тем самым в концепции психической травмы Яноф-Бульман определенным образом смыкаются когнитивистские и современные психодинамические представления о ключевых детерминантах психического развития. У истоков же современных психоаналитических работ, вскрывающих центральное значение межличностного взаимодействия в психическом развитии младенца, стоял Дж. Боулби.

ТЕОРИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Отношения привязанности: понятие рабочей модели. Джон Боулби, английский психиатр и психоаналитик, сформулировал свою теорию привязанности в 1960-е гг. [14, 15]. В отличие от традиционного психоаналитического подхода, предполагающего приоритетную роль сознательных и бессознательных фантазий в протекании психической жизни ребенка, Боулби сосредоточил свое внимание на переживании детьми таких реальных событий, как сепарация и утрата близ-

ких. В настоящее время широко распространенным является представление о мотивационном аспекте привязанности как необходимом условии возникновения социальных отношений.

Теория привязанности считает потребность в близких эмоциональных отношениях специфически человеческой, подчеркивая центральную роль отношений в развитии личности от начала до конца [14–16]. Эта потребность присутствует уже у новорожденного и сохраняется до конца жизни, составляя один из базовых элементов человеческого выживания. В младенчестве и детстве привязанность ребенка к родителям является залогом получения заботы и крова; соответственно задача родителей – обеспечивать эту заботу своему ребенку.

Отношения привязанности, согласно Боулби, регулируются мотивационной системой, которая развивается в младенчестве и объединяет человека с другими приматами. Эта система отслеживает пространственную близость и психологическую доступность “более сильного и мудрого” человека – объекта привязанности – и регулирует поведение привязанности по отношению к этому объекту. Пока индивид чувствует себя комфортно и объект привязанности обеспечивает надежную основу его действиям, он в состоянии развивать исследовательское поведение, или игру, или другие виды социальной активности. Когда индивид испуган, его исследовательские цели уступают необходимости поиска спасения и защиты у объекта привязанности, особенно если индивид – это маленький ребенок. Таким образом, привязанность становится наиболее заметной в условиях воспринимаемой угрозы. Поиск защиты у объекта привязанности должен обеспечивать потомству большую вероятность выживания.

“Теперь уже ясно, что не только маленькие дети, но и люди всех возрастов бывают наиболее счастливы и в состоянии максимально развернуть свои таланты, когда они уверены, что позади них стоит кто-то, кому они доверяют и кто непременно придет на помощь, если возникнут какие-то трудности. Тот, кому доверяют, обеспечивает безопасный тыл, на основе которого человек может действовать” [15, с. 359].

То, каким образом привязанность может выполнять свою защитную функцию, зависит от качества взаимодействия между индивидом и его объектом привязанности. За пределами периода младенчества отношениями привязанности начинают управлять *ментальные рабочие модели*, которые ребенок конструирует из собственного опыта общения главнейшими фигурами своего окружения в середине первого года жизни², ис-

²Ср. указание Яноф-Бульман на начальный момент формирования базисных убеждений – около седьмого месяца жизни.

пользуя свою привязанность и реакции значимого другого. Эти рабочие модели [14–16] выступают как “оперательные” модели своего “Я” и партнера на основе общей истории отношений. Они служат для регуляции, интерпретации и предсказания поведения, мыслей и чувств значимого другого и самого индивида. При условии надлежащего пересмотра в соответствии с изменениями окружения и собственного развития рабочие модели позволяют осуществлять рефлексию и общение по поводу прошлых и будущих ситуаций и отношений привязанности, таким образом облегчая формирование общих планов регуляции близости и разрешения конфликтов в отношениях. Индивид, который может рассчитывать на отзывчивость, поддержку и защиту со стороны своего объекта привязанности, способен свободно переключать внимание на другие заботы, такие как исследовательская деятельность и/или взаимодействие с другими.

Идею “внутренней рабочей модели” Боулби заимствовал у К. Крейка [18], который доказал, что организмы, способные к формированию сложных “внутренних рабочих моделей” своего окружения, существенно повышают шансы на выживание, поскольку подобные модели обуславливают более адаптивное и гибкое поведение. Неотъемлемым атрибутом внутренней рабочей модели является ее пространственно-временная структура причинно-следственных отношений между событиями, действиями, объектами и репрезентациями. Таким образом, внутренняя модель описывает отношения между различными аспектами действительности.

“В рабочей модели мира, сформированной индивидом, ключевым моментом являются его представления о том, кто выступает в качестве объектов привязанности, где их можно найти и каких реакций от них можно ожидать. Аналогично в рабочей модели своего “Я”, выстраиваемой индивидом, ключевым моментом является его представление о том, насколько приемлем или неприемлем он сам в глазах его объектов привязанности. На основе структуры этих комплиментарных моделей возникают прогнозы, которые делает индивид относительно того, насколько доступны и отзывчивы будут его объекты привязанности, если он обратится к ним за поддержкой. И с точки зрения теперь уже продвинутой теории от структуры этих моделей зависит также, будет ли он уверен, что его объекты привязанности в общем доступны для него или же он будет более или менее опасаться, что они окажутся недоступны – случайно, скорее всего, или же большую часть времени” [15, с. 203].

Таким образом, рабочая модель своего “Я” как ценного и компетентного выстраивается в рамках рабочей модели родителей как эмоцио-

нально доступных и одновременно поддерживающих исследовательскую активность. И напротив, рабочая модель “Я” как не имеющего ценности и некомпетентного является дополнением к рабочей модели родителей как отвергающих или игнорирующих поведение привязанности индивида и/или препятствующих исследовательскому поведению.

Основной термин теории привязанности – “надежность” – описывает уверенность индивида любого возраста – младенца, ребенка, взрослого – в том, что защищающая и поддерживающая фигура будет доступна и досягаема. При этом Боулби утверждал, что постоянное чувство безопасности и соответствующее возрасту ощущение собственной надежности ребенка нарушается, если рабочие модели как его самого, так и родителей не приводятся в соответствие с его физическим, социальным и когнитивным развитием.

Изменение рабочей модели под влиянием стрессовых факторов. Несмотря на требование изменчивости, предъявляемое к рабочей модели, она не подвергается непрерывному изменению, более того, в нее изначально, в ходе процесса ассимиляции (по Пиаже), “встроено” определенное сопротивление переменам. То есть представления, сложившиеся на основе предшествующих взаимодействий, регулируют восприятие вновь поступающего опыта. Благодаря этому случайные промахи матери в осуществлении сензитивного поведения по отношению к потребностям ребенка не подорвут его доверия к ее эмоциональной доступности и откликаемости. Однако способы восприятия и осмысления отношений постепенно становятся автоматизированными и недоступными непосредственному осознанию; при этом наблюдается “выигрыш” в скорости реагирования с одновременным снижением гибкости и соответственно эффективности приспособления. Наконец, оба партнера по взаимодействию имеют тенденцию взаимно приспособляться друг к другу, так что когда один из них демонстрирует некие изменения, второй, по крайней мере, сначала, склонен игнорировать или отвергать эти изменения. Это продолжается до тех пор, пока один из партнеров не приходит к заключению, что старая модель больше не срабатывает.

Рабочая модель может оставаться эмоционально стабильной, однако ребенок, располагающий на протяжении какого-то периода времени моделью надежной привязанности, может демонстрировать и другие паттерны поведения привязанности. Аффективные изменения в его рабочей модели могут происходить, например, в результате того, что изначально поддерживающий и эмпатичный родитель оказывается в состоянии стресса или депрессии в результате каких-либо резких изменений в его жизни (например, потери

работы). И наоборот: условия жизни родителя улучшаются, он более сензитивно откликается на потребности ребенка, который может пересмотреть свою модель привязанности. В действительности индивид чаще всего располагает не одним, а несколькими паттернами поведения привязанности, актуализирующимися под влиянием различных внешних и внутренних обстоятельств.

Модель называется рабочей, поскольку она является основой, на которой разворачивается поведение привязанности, и поддается пересмотру и изменению. Модель привязанности содержит стабильные постулаты относительно роли родителей и ребенка (т.е. обоих партнеров) во взаимодействии. Боулби [15] и Мэйн [35, 39] полагают, что в условиях стресса и противоречивой информации необходима специальная стратегия ее переработки. Такая стратегия должна обеспечивать психологическую защиту в рамках рабочей модели индивида. Она может включать избегание значимого другого в ситуации стресса, колебание между двумя противоположными позициями (например, "ребенок хороший, родитель плохой" и "ребенок плохой, родитель хороший"), принятие позиции родителя при отрицании собственных переживаний и т.п. [15].

В формировании рабочей модели большую роль играют защитные процессы. Боулби переформулировал традиционную психодинамическую концепцию защитных механизмов в терминах информационных процессов и когнитивной психологии: защитное селективное отвержение информации направлено на отсеивание тех восприятий, чувств и мыслей, которые могли бы вызвать невыносимую тревогу и психологическое страдание. Таким образом, защиты выполняют адаптивную функцию в данный момент времени, однако в перспективе они препятствуют адекватной смене рабочей модели в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Количество информации, исключаемой из сознания, может варьировать. Исследования процедуральной ("я знаю, как..."), семантической ("я знаю, что...") и эпизодической ("я помню, когда...") систем памяти [46] позволили Боулби предположить, что защитное исключение информации из сознания происходит за счет помещения противоречивой информации в различные системы памяти. Пациенты часто дают очень хвалебные описания вызывающих восхищение качеств своих родителей (семантическая память), которые противоречат следующим за ними сообщениями о реальном их поведении (эпизодическая память).

Боулби считал, что дети особенно склонны к защитному исключению информации в двух следующих ситуациях: 1) когда поведение привязанности ребенка активировано, но не встречает удовлетворения со стороны объектов привязан-

ности (родителей), а наказывается или высмеивается ими; 2) когда ребенок узнает о родителях то, чего они не хотят, чтобы он знал, и накажут его, если он будет считать это правдой. Например, если один из родителей совершил суицид или суицидальную попытку, ребенка стремятся держать в неведении относительно этого факта, несмотря на то, что ему что-то известно; в таком случае ребенку не остается ничего другого, кроме как отрицать свой собственный опыт, присоединяясь к семейному "мифу", который ему навязывают взрослые.

В результате подобной защиты ребенок может оказываться в ситуации, когда он вынужден иметь дело с двумя несовместимыми рабочими моделями себя и значимого другого: сознательно принимаемой, основанной на ложной информации, и недоступной сознанию, но отражающей его реальный опыт. В некоторых случаях ребенок может исключить из сознания только собственную персону значимого другого, по отношению к которому он испытывает враждебные чувства, и заменить его менее значимым человеком из своего окружения, осуществляя тем самым так называемое "смещение аффекта". Ребенок может также перенаправить гнев на себя, в результате чего возможно формирование депрессивного склада характера.

Привязанность между матерью и младенцем отчетливо проявляется уже во втором полугодии первого года жизни. При этом вербальные и невербальные паттерны коммуникации между ними способствуют порождению и передаче внутренних рабочих моделей надежной и ненадежной привязанности. Ребенок в состоянии воспринимать, насколько сензитивно мать реагирует на его сигналы и потребности и насколько она доступна. Сензитивная мать восприимчива к сигналам младенца, она в состоянии их правильно интерпретировать и оперативно реагировать на его потребности [9]. Этот диалог позволяет ребенку обрести внутреннюю безопасность, гибкость в ситуациях конфликта и уверенность в своей постоянно растущей компетентности, эмоциональную реактивность, чувствительность и способность к самоутверждению [22]. Корреляция между родительской сензитивностью и надежной привязанностью весьма умеренная [47]. Однако связь между способностью родителей к рефлексии по поводу собственного детства и развитием надежной привязанности у детей значительно сильнее ($r = 0.47$; $k = 0.49$) [20, 23, 37].

Отношения привязанности во взрослом возрасте. Систематическое описание переживаний привязанности в детстве позволяет сконструировать теорию привязанности, охватывающую весь жизненный цикл человека [11]. Поскольку ранние привязанности, по-видимому, влияют на фор-

мирование отношений во взрослом возрасте, наблюдается растущий интерес к представлениям взрослых о своих привязанностях. Существенный шаг в развитии исследований репрезентаций взрослых был сделан М. Мэйн (1985). Она оценивала репрезентации привязанности 6-летних детей и взрослых [24, 38, 39, 44]. Было разработано "Интервью о привязанностях для взрослых" (AAI – Adult Attachment Interview), предназначенное для выявления ментальных репрезентаций взрослых людей (описание см. ниже).

Таким образом, теория привязанности и концепция "внутренней рабочей модели" Боулби, обладая незаурядной эвристической ценностью, продолжает стимулировать и питать исследовательский интерес к постижению закономерностей функционирования мира ментальных репрезентаций взрослого человека. Большинство исследований привязанностей взрослого человека основывается на предположении, что существует параллель между индивидуальными различиями паттернов и репрезентаций привязанности у взрослых и детей. Боулби предполагал, что паттерны привязанности у взрослых могут меняться под влиянием новых отношений и развития новых мыслительных операций (формальных). В целом все мнения исследователей сходятся в том, что система репрезентаций и паттернов привязанности взрослых, будучи глубоко индивидуализированной, базируется на трех источниках: ранние взаимоотношения с родителями, отношения (в первую очередь романтические) со сверстниками в подростковом возрасте, актуальные отношения привязанности во взрослом состоянии.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ

Теория привязанности Дж. Боулби послужила источником многочисленных исследований, направленных на выяснение природы отношений привязанности, их формирования в детском возрасте, развития и функционирования на протяжении всего жизненного цикла человека (см. обзор [19, 25, 42]). Начало этим исследованиям было положено работами М. Эйнсворт, сотрудницы Дж. Боулби.

Мэри Эйнсворт работала вместе с Боулби в Лондоне в 1960-е гг., изучая сепарацию и обрывы отношений между детьми и их родителями, а также некоторые другие проблемы, связанные с теорией привязанности. Затем, будучи в Уганде, она наблюдала 28 младенцев и их матерей из нескольких деревень и пришла к выводу, что в паре "мать-ребенок" могут развиваться различные типы отношений, которые можно расклассифицировать и даже измерить. Кроме того, она выяснила, что поведение матери в первые месяцы после рождения ребенка является предиктором того или иного типа отношений в паре, и расклассифициро-

вала 28 младенцев на "надежно" и "ненадежно привязанных" и на "непривязанных". От этой последней категории Эйнсворт впоследствии отказалась.

Обосновавшись затем в Балтиморе (США), Эйнсворт провела большое исследование, воспроизводившее ее работы в Уганде. Совместно с Уиттинг [12] они разработали так называемую "чуждую ситуацию" или "ситуацию чужого" (strange situation), которая позволяет операционализировать качество привязанности ребенка к матери. Процедура исследования состояла из 8 эпизодов, каждый по 3 минуты. В ней осуществляется наблюдение за поведением детей в возрасте от 12 до 18 месяцев в ходе изучения ими окружающей обстановки и контактов с "чужим" (см. работу [5]).

В результате были выявлены следующие типы привязанности детей к матерям [9]:

(А) *Избегающая привязанность*: ребенок охотно исследует окружение, не демонстрируя выраженного поведения привязанности; на разлуку с матерью реагирует минимально, проявляет незначительную реакцию дистресса, будучи оставлен в одиночестве; на возвращение матери реагирует избеганием, сосредотачивается на игрушках, если мать берет его на руки, отворачивается, стремится вернуться к игрушкам³.

(В) *Надежная привязанность*: демонстрирует готовность исследовать окружение, используя мать как надежную "базу"; в ответ на разлуку с матерью проявляет признаки огорчения, особенно при повторном ее уходе; когда мать возвращается, активно приветствует ее – улыбкой, восклицаниями, жестами; если огорчен, сигнализирует об этом или стремится к контакту с матерью; получив утешение, продолжает свою исследовательскую активность.

(С) *Амбивалентная привязанность*: проявляет дистресс уже при входе в экспериментальную комнату, часто ведет себя пассивно или испуганно, не в состоянии заняться исследованием окружения; на разлуку с матерью реагирует выраженным дистрессом; при ее возвращении колеблется между стремлением к контакту с ней и реакциями гнева и отвержения матери или же слишком пассивен или расстроен, чтобы устанавливать контакт; не в состоянии найти утешения у матери.

(Д) *Дезорганизованная/дезорientированная привязанность*: поведение ребенка кажется не имеющим никакой цели, не поддающимся объяс-

³Интересно, что первоначально именно эта стратегия поведения показала экспериментаторам проявлением безопасной привязанности: ребенок выглядел адекватно и разумно реагирующим на уход матери – его можно было отвлечь, занять, он не плакал; после ее возвращения тоже продолжал заниматься своим делом. Поэтому этот тип привязанности получил обозначение "А"; лишь впоследствии стало ясно, что такая реакция на разлуку и воссоединение сопряжена с наличием эмоционального барьера между матерью и ребенком, препятствующим их близкому контакту и взаимопониманию.

нению, он демонстрирует отсутствие когерентного поведения привязанности, несмотря на отдельные фрагменты поведения по типу А, В или С.

Валидность, стабильность и прогностическая валидность классификации типов привязанности, разработанной Эйнсворт, были подтверждены на популяциях США и Западной Европы. Созданы методы, позволяющие изучать поведение привязанности более старших детей, проведены разнообразные лонгитюдные исследования и т.п. [42].

Принципиально новый шаг в исследовании привязанности представляют собой работы Мэйн и ее сотрудников, связывающие поведенческие стратегии детей с ментальными репрезентациями их родителей [36, 37]. В начале 1980-х гг. она предложила использовать нарратив для оценки привязанности, исходя из того, что "ментальные процессы различаются так же очевидно, как и поведенческие", и что те и другие отражаются в языке [37]. Мэйн с сотрудниками разработала полуструктурированное интервью для взрослых людей, содержащее вопросы, касающиеся их детского опыта привязанности к значимым другим и того значения, которое они в настоящее время приписывают этому детскому опыту. В основу этого метода легли идеи, почерпнутые из теории привязанности Боулби, о том, что: (а) рабочие модели привязанности функционируют, по крайней мере частично, неосознанно; (б) рабочие модели базируются на реальном опыте взаимодействия ребенка; (в) рабочая модель начинает формироваться уже на первом году жизни ребенка; (г) представления ребенка о привязанности детерминируют его поведение и аффективную оценку опыта; (д) мышление на уровне формальных операций позволяет индивиду наблюдать и оценивать данную систему отношений, и, следовательно, модель может быть изменена при неизменности реального опыта.

В соответствии с описанными выше положениями было разработано полуструктурированное "Интервью о привязанностях для взрослых", в котором респонденту задавали общие вопросы о том, как он себе представляет свои отношения с родителями (или замещающими их людьми) в детстве; просили вспомнить повседневные эпизоды взаимоотношений с родителями, в которых, как ожидалось, должна быть активирована потребность в привязанности (ситуации разлуки, болезни и т.п.); предлагали рассказать о переживаниях, связанных с утратой кого-либо из близких; просили описать то, какое значение имело поведение родителей для развития личности респондента. Интервью записывалось на аудио- или видеокассеты и транскрибировалось. Получаемый материал подвергался дискурс-анализу в соответствии с определенными правилами.

В 1985 г. вышла в свет работа Мэйн, Каплан и Кэссиди [37], в которой сообщалось, что классификация представлений о привязанности родителей на основе оценки ААІ значимо коррелирует с типами поведения их детей в "ситуации чужого", полученными при обследовании пятью годами раньше. Спустя 18 месяцев было проведено новое исследование тех же детей и родителей, которое дало те же убедительные результаты. Само интервью было при этом проверено с точки зрения его психометрических свойств. Система его оценки на протяжении последующих 15 лет претерпела некоторые изменения и была усовершенствована, но руководство до сих пор не опубликовано, и обучение экспертов возможно лишь в непосредственном контакте с создателями метода.

Общие принципы анализа транскриптов интервью по Мэйн таковы: эксперты пользуются несколькими системами оценки: оценка родительского поведения со слов респондента, ментальных репрезентаций респондента, когерентности дискурса. Для оценки родительского поведения, отдельно отца и матери, используются следующие категории: любящее, отвергающее, пренебрегающее, вовлеченное, доминантное. Для оценки ментальных репрезентаций применяются такие категории, как идеализация, настойчивое отсутствие воспоминаний, активный гнев, умаление достоинств, страх утраты, метакогнитивный мониторинг, пассивность речи. Оценка когерентности дискурса основывается на правилах Грайса [21]. Высокая когерентность отмечается в тех случаях, когда нарратив характеризуется: (а) наличием хорошего качества – т.е. правдоподобностью, непротиворечивостью, логичностью; (б) определенным количеством – т.е. достаточно развернут, но не слишком длинный, содержащаяся в нем информация позволяет эксперту понять изложенное; (в) релевантностью – т.е. содержит ответ на заданный вопрос; (г) определенной манерой изложения – респондент использует свежий, ясный язык, а не жаргон и не "штампы".

На основе экспертных оценок респондентов относят к одному из основных типов репрезентаций привязанности: надежному ("автономному" типу) или одному из двух ненадежных: "дистанцированному" или "тревожному". Эти три категории коррелируют с тремя типами привязанности у детей, выявленными Эйнсворт ("надежный", "избегающий" или "амбивалентный"). Те респонденты, которые были классифицированы на основе ААІ как "автономные", характеризуются сбалансированным представлением о своих ранних ощущениях, ценят привязанность и придают большое значение отношениям привязанности в формировании их личности. В ходе интервью они ведут себя достаточно открыто, прямо и кооперативно, независимо от того, насколько тяжело им обсуждать тот или иной материал. В интервью

излагаются когерентные, правдоподобные сообщения о поведении родителей респондентов. Хотя их сообщения о детстве не обязательно включают нарративы только о любящем поведении родителей, в целом оно воспринимается как такое и подтверждается конкретными воспоминаниями.

Два не надежных паттерна репрезентаций привязанности коррелируют с некогерентным способом изложения: оценка, которую дают респонденты своим отношениям с родителями, не соответствует тем конкретным эпизодам, которые они сообщают. Отсутствуют или почти отсутствуют подтверждения того, что родители выполняли функцию “надежной гавани”; в дискурсе заметны проявления ограниченной готовности к исследованию и ощущается определенная ригидность респондентов. “Дистанцированные” респонденты испытывают дискомфорт в связи с темой интервью, отрицают влияние ранних отношений на свое развитие, переживают значительные сложности в припоминании конкретных ситуаций и часто идеализируют детский опыт. “Тревожные” респонденты демонстрируют спутанность или существенные колебания в отношении раннего опыта, описания взаимоотношений с родителями отмечены пассивностью или агрессией, родители предстают как не любящие, но интенсивно вовлеченные в отношения вплоть до смены ролей, когда ребенок был вынужден отдавать предпочтение потребностям родителей в ущерб своим собственным. Изложение детских воспоминаний у таких респондентов часто перемежается с сообщениями о событиях недавнего прошлого, об актуальных отношениях с родителями, наполненными, как правило, гневом и обидой.

Четвертый тип репрезентаций – дезорганизованный, – выявленный Мэйн, связан с неспособностью респондентов в ходе интервью адекватно обсуждать смерть и утрату близких людей: например, они могут серьезно высказывать убеждение, что умерший продолжает жить или что его убили детские фантазии респондента. В обсуждении остальных тем такие респонденты демонстрируют второй или третий тип репрезентаций привязанности.

Оценка ААІ по критериям М. Мэйн и Р. Голдвин требует специально обученных высококвалифицированных экспертов⁴. В настоящее время, однако, разработаны и другие способы экспертной оценки интервью о репрезентациях привязанности, которые также базируются на принципах дискурс-анализа, но не предъявляют столь высоких требований к обучению экспертов. Один из

них – “Метод прототипов” – предложен П. Пилконисом [40]. “Метод прототипов” был использован в нашем исследовании для оценки материалов, полученных с помощью ААІ (подробное описание см. в нашей следующей статье).

ГИПОТЕЗА О ВЛИЯНИИ РАБОЧЕЙ МОДЕЛИ ПРИВЯЗАННОСТИ НА УСТОЙЧИВОСТЬ К ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЕ

Если теперь вновь вернуться к концепциям психической травмы Яноф-Бульман, то возникает предположение о том, что в результате травматизации человека его рабочие модели мира и самого себя (базисные убеждения), до того обеспечивавшие ему поддержание душевного равновесия, оказываются – частично или полностью – нарушенными. Индивид в ходе переживания травмирующего события сталкивается с тем фактом, что объекты привязанности становятся недоступными или их реакции оказываются не совпадающими с его прогнозом. Его собственная беспомощность и незащищенность также не согласуются с имеющимися саморепрезентациями относительно своей дееспособности и безопасности. Результатом конфронтации с ситуацией, противоречащей актуальной рабочей модели индивида, может стать либо неотложный пересмотр этой модели, обеспечивающий гибкое приспособление к изменившимся обстоятельствам, либо ригидное следование исходной модели, влекущее за собой дезадаптивное поведение, либо разрушение исходной модели при отсутствии какой-либо адекватной ее замены, что ведет к дезорганизованному, хаотичному поведению.

Учитывая тот факт, что всякий индивид располагает неким репертуаром внутренних моделей⁵, можно предположить, что непосредственно в психотравмирующей ситуации вместо экстренного пересмотра и реорганизации модели наблюдается, скорее, обращение к готовым паттернам поведения, соответствующим более примитивным или, точнее, более ранним рабочим моделям. Альтернативное предположение: в момент переживания травмы индивид опробует все доступные ему внутренние модели и способы внешнего поведения, что может производить впечатление хаотичного и дезорганизованного образа действий, а

⁴Обучение экспертов занимает от года до полутора лет при неперенном регулярном личном контакте с создателями метода, что существенно затрудняет возможность его применения (особенно в Восточной Европе!).

⁵Подобному тому как у всякого человека можно обнаружить определенный набор более или менее адаптивных механизмов психологической защиты, которые обеспечивают относительно постоянный уровень функционирования “Я”, но в ситуациях, несущих угрозу жизни или воспринимаемых как таковые, более сложные и высокоорганизованные защиты сменяются более примитивными. Тем не менее бессознательные защитные процессы психики продолжают функционировать даже тогда, когда высшие психические процессы оказываются серьезно нарушенными или блокированными.

по сути является поиском наиболее адекватного средства совладания с ситуацией.

Однако независимо от того, какой именно способ совладания использовался индивидом в момент переживания травмы, его представления о себе и об окружающем мире после окончания психотравмирующего воздействия нуждаются в проверке. Если предположить, что при травматизации опровергается в первую очередь рабочая модель надежной привязанности, согласно которой индивид воспринимает самого себя как ценного и компетентного, а своих близких – как эмоционально доступных и оказывающих поддержку, то в этом случае именно данная модель должна быть восстановлена с учетом полученного опыта. Соответственно при проявлении у индивида симптомов посттравматического расстройства можно ожидать, что ему не удалось адекватным образом восстановить эту модель.

Действительно, как мы уже отмечали, основные симптомы ПТСР – это навязчивые образы, мысли, ощущения, ночные кошмары, связанные с ситуацией травмы, с одной стороны, и попытки избегания стимулов (мыслей, ощущений, действий), связанных с травмой, эмоциональное онемение (numbing), отчужденность от окружающих – с другой. Эти оба аспекта ПТСР поразительно напоминают характерные черты двух типов ненадежной привязанности, обнаруженных при обследовании детей и взрослых в работах Эйнсворт с сотрудниками [10, 12], а также Мэйн с сотрудниками [37]. Один из вариантов ненадежного типа привязанности у детей (“амбивалентный”) и взрослых (“тревожный”) связан с нарушением способности контролировать противоречивые эмоциональные проявления и импульсивное поведение по отношению к объектам привязанности. Такому типу привязанности соответствуют регулярные прорывы негативного аффекта по отношению к себе и своим близким, застревание в этом аффекте, неспособность переключиться на другой вид деятельности и отношений. Другой ненадежный тип привязанности – “избегающий” у детей и “дистанцированный” у взрослых – характеризуется отстранением от объекта привязанности, избеганием болезненных воспоминаний, эмоциональной отчужденностью, отказом от поддержки и утешения⁶. В пользу этой гипотезы можно привести данные, полученные в исследовании депрессии Беком [4, 13], который показал, что после стрессогенных событий вследствие повышенной когнитивной уязвимости в первую очередь страдают от депрессии автономные (ср. “избегающий тип привязанности”) и социотропные (ср. “тревожный тип привязанности”) индивиды.

⁶Более подробно об этом см. в нашей следующей статье, посвященной эмпирическому исследованию.

Можно поэтому предположить, что появление ПТСР-симптоматики объясняется активацией ненадежных типов привязанности при нарушении функционирования “надежной” рабочей модели у травмированного индивида. Ответ на вопрос о том, почему это встречается лишь у определенной части пострадавших, очевидно, может быть таков: те индивиды, у которых надежная рабочая модель по сравнению с другими доступными им типами привязанности является относительно слабо развитой или выраженной, испытывают после травмы значительно большие трудности при ее восстановлении и достигают значительно меньшего успеха, так что у них оказываются активированными модели ненадежной привязанности. Другой вариант: рабочая модель индивида в целом отличается низкой пластичностью, в результате чего она с трудом поддается пересмотру и изменению; поэтому, когда “надежная” рабочая модель из-за травмы нарушается и не соответствует больше реальному опыту индивида, в действие вступают другие типы привязанности – ненадежные, порождая дезадаптивные способы поведения и посттравматическую симптоматику.

Итак, нами были рассмотрены психодинамические и когнитивистские концепции с точки зрения сходства интерпретаций феномена психической травмы. Мы предложили гипотетическую модель возникновения посттравматической симптоматики в зависимости от ранних детских отношений индивида: конфигурация рабочей модели индивида, т.е. сочетание надежных и ненадежных типов привязанности, с одной стороны, и ее пластичность – с другой, оказывают влияние на развитие посттравматических симптомов у индивида, пережившего травматическое событие.

Следующая публикация будет посвящена операционализации этой гипотезы, описанию методического аппарата исследования, а также процедуры и результатов проведенного нами эмпирического исследования взаимосвязи типов привязанности и тенденции к возникновению посттравматической симптоматики у взрослых испытуемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр, 2000.
2. Винникот Д.В. Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1998.
3. Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000.
4. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. СПб.: Питер, 2000.
5. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989.

7. Фрейд З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения. М.: Медицина, 1991.
8. Фрейд А. Введение в детский психоанализ. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995.
9. Ainsworth M.D.S., Bell S.M., Stayton D.J. Infant-mother attachment and social development: "socialisation" as a product of reciprocal responsiveness to signals // The integration of a child into a social world / Ed. by M.P.M. Richards. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1974. P. 99–135.
10. Ainsworth M.D.S., Blehar M.C., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, N.J., Erlbaum, 1978.
11. Ainsworth M.D.S., Bowlby J. An ethological approach to personality development // American Psychologist. 1991. V. 46. P. 333–341.
12. Ainsworth M.D.S., Witting B. Attachment and the exploratory behavior of one-year-olds in a strange situation // Determinants of infant behavior / Ed. by Foss B.N. N.Y.: Basic Books, 1969. P. 113–136.
13. Beck A.T. Cognitive therapy of depression: New perspectives // Treatment of depression: Old Controversies / Eds. Clayton P.J., Barnett J.A. N.Y.: Raven Press, 1983.
14. Bowlby J. Attachment and loss. V. 1. Attachment. N.Y.: Basic Books, 1969.
15. Bowlby J. Attachment and loss. V. 2. Separation. Anxiety and anger. N.Y.: Basic Books, 1973.
16. Bowlby J. Attachment and loss. V. 3. Loss: Sadness and depression. N.Y.: Basic Books, 1980.
17. Bretherton I., Munholland K.A. Internal working models in attachment relationship: A construct revisited // Handbook of attachment / Eds. Cassidy J., Shaver P. N.Y.: Guilford, 1999. P. 89–111.
18. Craik K. The nature of explanation. Cambridge, England: Cambridge Univ. Press, 1943.
19. Crowell J.A., Fraley R.Ch., Shaver P.R. Measurement of individual differences in adolescent and adult attachment // Handbook of attachment / Eds. J. Cassidy, P. Shaver. N.Y.: Guilford, 1999. P. 434–465.
20. Fonagy P., Steele H., Steele M. Maternal representations of attachment during pregnancy predict the organisation of infant-mother attachment at one year of age // Child Dev. 1991. V. 62. P. 891–905.
21. Grice P. Logic and conversation // Syntax and semantics: V. 3. Speech acts / Eds. P. Cole, J.L. Moran. N.Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.
22. Grossmann K., Fremmer-Bombik E., Rudolph J., Grossman K.E. Maternal attachment representations as related to child-mother attachment patterns and maternal sensitivity and acceptance of her infant // Relations within families / Eds. R.A. Hinde, J. Stevenson-Hinde. Oxford: Oxford Univ. Press, 1988. P. 241–260.
23. Grossmann K., August P., Fremmer E. et al. Die Bindungstheorie: Modell und entwicklungspsychologische Forschung // Handbuch der Kleinkindforschung / Ed. Hg. H. Keller. Berlin: Springer, 1989. S. 31–55.
24. Grossmann K., Grossmann K. Attachment quality as an organizer of emotional and behavioral responses in a longitudinal perspective // Attachment across the life cycle / Eds. C.M. Parks, J. Stevenson-Hinde, P. Marris. L.: Routledge, 1991. P. 93–114.
25. Hesse E. The adult attachment interview: Historical and current perspectives // Handbook of attachment / Eds. J. Cassidy, P. Shaver. N.Y.: Guilford, 1999. P. 395–433.
26. Horowitz M.J. Person schemas // Person schemas and maladaptive interpersonal patterns // Ed. by M.J. Horowitz. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.
27. Horowitz M.J. Stress response syndromes. Northvale, N.J. Aronson, 2nd ed. 1986.
28. Horowitz M.J., Becker S.S. Cognitive response to stress: Experimental studies of a compulsion to repeat trauma // Psychoanalysis and contemporary science / Eds. R. Holt, E. Peterfreund. N.Y.: Macmillan, 1972. V. 1.
29. Janet P.M.F. L'Automatisme psychologique. P.: Alcan, 1889. (Цит. по: Шерток Л., де Соссюр Р. Рождение психоаналитика. М.: Прогресс, 1991).
30. Janoff-Bulman R. The aftermath of victimisation: Rebuilding shattered assumption // Trauma and its wake / Ed. by C.R. Figley. N.Y.: Brunner/Mazel, 1985. P. 15–35.
31. Janoff-Bulman R. Victims of violence // Psychotraumatology / Eds. G.S.Kr. Everly, J.M. Lating. N.Y.: Plenum Press, 1995.
32. Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events: coping processes and outcomes // Coping: The psychology of what works / Ed. by C.R. Snyder. N.Y. Oxford University Press, 1998.
33. Khan M.M.R. The concept of cumulative trauma // The privacy of self / Ed. by M.M.R. Khan. L.: Hogarth, 1974.
34. Lazarus R.S. Psychological stress and the coping process. N.Y.: McGraw-Hill, 1966.
35. Main M. Metacognitive knowledge, metacognitive monitoring, and singular (coherent) vs. multiple (incoherent) model of attachment: findings and directions for future research // Attachment across the life cycle / Eds. C.M. Parks, J. Stevenson-Hinde, P. Marris. L.: Routledge, 1991. P. 127–159.
36. Main M. Recent studies in attachment // Attachment theory: Social, developmental, and clinical perspectives / Eds. S. Goldberg, R. Muir, J. Kerr. N.J., Hillsdale: Analytic Press, 1995. P. 405–474.
37. Main M., Kaplan N., Cassidy J. Security in infancy, childhood, and adulthood: A move to the level of representation // Growing points of attachment theory and research. Monographs of the Society for research in child development / Eds. I. Bretherton, E. Waters. 1985. V. 50. P. 66–104.
38. Main M., Cassidy J. Categories of response to reunion with the parent at the age six: predicted from attachment classifications and stable over a one-month period // Dev. Psychol. 1988. V. 24. P. 425–426.
39. Main M., Solomon J. Procedures for identifying infants as disorganized/disoriented during the Ainsworth Strange Situation // Attachment in the preschool years: Theory, research, and intervention / Eds. M.T. Greenberg, D. Cicchetti, E.M. Cummings. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990. P. 121–160.
40. Pilkonis P.A. Personality prototypes among depressives: Themes of dependency and autonomy // J. of Pers. Disorder. 1988. V. 2. P. 144–152.

41. Sandler J., Dreher A.U., Drews S. An approach to conceptual research in psychoanalysis, illustrated by a consideration of psychic trauma // *International Review of Psychoanalysis*. 1991. V. 18. P. 133–141.
42. Solomon J., George C. The measurement of attachment security in infancy and childhood // *Handbook of attachment* / Eds. J. Cassidy, P. Shaver. N.Y.: Guilford, 1999. P. 287–316.
43. Stern D.N. The interpersonal world of the infant. N.Y.: Basic Books, 1985.
44. Strage M., Main M. Attachment and parent-child discourse patterns. Paper presented at the Biennial meeting of the Society for Research in Child Development. Toronto, 1985.
45. Taylor S.E. Adjustment to threatening events. A theory of cognitive adaptation // *American psychologist*. November, 1983. P. 1161–1173.
46. Tulving E. Episodic and semantic memory // *Organisation of memory* / Eds. E. Tulving, W. Donaldson. N.Y.: Acad. Press, 1972. P. 381–403.
47. Van Ijzendoorn M.H. Adult attachment representations, parental responsiveness and infant attachment: a meta-analysis on the predictive validity of the Adult Attachment Interview // *Psychol. Bull.* 1995. V. 117. P. 387–403.

ATTACHMENT AND ITS UNFLUENCE ON STABILITY TO MENTAL TRAUMA: PROBLEM DEFINITION (REPORT 1)

E. S. Kalmykova*, M. A. Padun**

*Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., laboratory of psychology of posttraumatic stress and psychotherapy, IP RAS, Moscow

**Postgraduate, Institute of psychology, State University of Humanities, Moscow

There are described psychodynamic and cognitive conceptions of mental trauma and posttraumatic symptoms development. The J. Bowlby's theory of attachment is considered and his notion of "inner working model" is analyzed interrelating to Janoff-Bulman's theoretical construct of "basic assumptions". There are reviewed contemporary researches on theory of attachment. The authors' hypothetical model of early parent-child relations influence on stability to traumatic effects is presented.

Key words: posttraumatic stress disorder, mental trauma, theory of attachment, "inner working model", basic assumptions.